

• АЗБУКА ДЕРЕВЕНЬ

Зовут тропинки в прошлое

От автора: давайте пройдем забытыми тропинками по просторам Кильмезского района. В некоторых местах нас встретят памятные знаки, говорящие о том, что здесь когда-то жили люди, наши с вами прадедушки и прабабушки. Старожилы могут поведать нам любопытные легенды из прошлого, передающиеся из поколения в поколение. Во многих местах проводились археологические раскопки, приоткрывшие тайну первых поселений кильмезской земли. Кое-где до сих пор существуют обрядовые места силы марицев-язычников.

Много тайн и легенд хранят малая родина! Много троп исхожено любопытными потомками в поисках ответов на загадки,ставленные предками. Но до сих пор зовут тропинки, уходящие в прошлое. В прошлое деревень, в которых жили, трудились, и верили в будущее первые жители земли кильмезской. Е. РУЗИЕВА.

Продолжение.

Начало в «СТ» за 5 декабря.

Сухомесы

Бывает, что прилипнет смокое слово,
Зазвучит деревня совсем по-другому.
Вот так и с деревней Сухомесы
случилось,

Где корабельные сосны
к небу стремились.

Леса глухие, звери да птицы –
Самое место, чтоб от погони
укрыться.
С демидовских рудников,
с катарии непосильной
Бежали мужики, каторжане ссылочные.

Отчинин, Горбунов, Щеклеин –
кто покрече.
Подальше от шахт,
от условий нечеловеческих.
Обосновались – много ль для жизни
надо?
Лес да река, да свобода наградой.

Жили своей общиной привычно –
Пole, пастьбще, пасека отличная.
Мед в большие города возили,
В Петербурге его очень ценили.

А деревне новое прозвище дали –
«Богомазами» шутники,
не подумав, назвали.
(Жил здесь художник, иконы писал,
Мастерством и уменьем свой род
прославляя).

А потом прибыли мастераевые
из-под Казани,
Было на то государево указание:
Сосны мачтовые для российского
флота рубить,
Взять в плоты да на верфи возить.

Много может название сказать
о деревне:
Сухомесы и Богомазы унесло течением.
Липатово – вот новое красивое имя.
Жила бы деревня, может быть,
и поныне,

Да разъехались жители,
дома опустели,
Не скрипят на Пасху новые качели.
От красивой деревни
лишь память осталась,
И тропинка к ней в траве затерялась...

Тат-Кильмезь

– Не плачь, жена, а радуйся, что живы.
Построим дом, корову заведем.
Ох, время страшное –
убивают ради наживы,
Подумать только: стал я кулаком.

Не пил, работал рук не покладая,
Дом выстроил для внуков, для детей.
И вот тайком деревню покидаем,
Спасая лишь себя и дочерей.

В леса. Там можно скрыться от погони,
Землянку выкопать и зиму пережить.
Устали дети. Ослабели кони,
Найти б родник, чтоб жажду утолить.

Идут, идут усталые подводы.
На пыльных лицах – скорбь,
и слёз следы.
На небе звезды – маяки свободы.
Ночь, охраня нас от лихой беды.

Вдруг огонек мелькнул среди деревьев,
Как добный вестник,
что закончен путь.
Стоит на берегу пруд деревня,
Здесь можно попроситься отдохнуть.

Кто испытал нужду, тот понимает,
Как важно обогреть и поддержать,
Пожертвовать последним караваем
И вместе с вами новый день

встречать.

Te, кто здесь побывал,
возвращаются вновь.
И рождается в сердце нежность к ней
и любовь,
Мощь природы родной и ее красота.
Понимаешь – пришел ты сюда
неспроста.

Сосны ветви свои тянут ввысь,
к небесам.
И с речной водой жизнь приходит
к корням.
Выходит лось в тишине,
и почувствуешь ты,
Что все в мире отдашь
за момент красоты.

И вот в этих местах
был поселок лесной.
И сплавляли плоты по Лобань весной.
Вдоль ее берегов их вели мужики,
Помогали народу волны нашей реки.

Приютила Лобань и разбойных людей
На крутых берегах
да в сплетенье корней.
Здесь удмурты селились,
укрываясь в лесах,

Было страшно идти
по тропике воньмах.

А сейчас для туристов
это райский маршрут.

Год и второй промчались незаметно,
Стал забывать ужас прошлых дней,
На новом месте народились дети,
И нет для них сейчас земли родной.

Когда рождаются на свет в деревне
дети,
Копают жители колодцы – Божий дар.
И чтобы радость множилась на свете,
Чтоб каждый путник эту радость
разделял.

Стоят колодцы, утоляя жажду,
Лишь нарушают гуси гладь пруда.
И помнят старики,
как сорвались однажды,
И их сюда дорога привела.

Устье Лобань

Там, где речка Лобань,
как девочка, играет,
Где Кильмез ее воды в свои принимает,
Там встречаются редкие виды цветов –
Всем знакомых по кникам
расписных башмачков.

Краснокнижные звери нашли
здесь приют.
Норки, змеи, тарантулы

на Лобань живут.

В уникальном бору зимородок поет.
В летний зной по-медовому

липа цветет.

Место силы земли – словно некий
магнит.

Будто в прошлое ты попадаешь на миг,
Пролистав, словно книгу, года и века.

Открывают секреты ее берега.

И писатель Крупин
часто хаживал тут.
Убегает Лобань, не раскрыши секрет,
Словно прошлого незабываемый свет.

Фомино

Ох и суровые были времена!
За каждой деревней – леса стена.
Корчевать деревья –
лишь лом да топор.

Крепко корнями держится бор!

А дети растут – им в избушках тесно.
Надо для новых домов искать место.
Хочется всем вместе держаться:
Вдруг придется за волю сражаться.

На разведку самые крепкие

вызывались.
Родные с ними, конечно, прощались.
И если что, семью в обиду не давали,
Детям вырастить всей общиной

помогали.

А смельчакам – хлеба в запас,
Мясо поужинать на один раз,
Да кистень с собой – от лихих людей.
И напутствие на поиск добрых земель.

Тут, конечно, соблазн велик.
Бывало, что совесть кому не велит,
А чаще на селения язычников набегали
Да их с насиженных мест выгоняли.

Идолов крушили, разбивали, сжигали,
Удмуртов с родных земель выгоняли,
Оправдываясь, что все для людей,

для семьи.

И имена давали селеньям свои.

И хоть верь, хоть нет,
В летописях можно найти ответ:
Ох и горели потом деревни эти,
Словно наказание за отцов
принимали дети.

Много воды утекло. Заросли тропинки.
Вылетели из гнезда малые кровинки.
Лишь память осталась
да имя деревни
кистень тут древний.

Хвоощанка

Марьино озеро – сколько в нем слез!
Серые и душу любимый увез.
И Марьин тракт те слова сохранил,
Что на прощанье Зиновий ей говорил.

Как чувствовала,
что не увидятся боле.
Навек расстались – ей слёзы, ему – горе.
Повезли по этапу свой срок отбывать.
Ни жены, ни детей ему не видать.

Сам Зиновий – из Польши.
Участник восстания.
Ехал в ссылку отбывать наказание.
Но случилось в Хвоощанке повременить.
Думалось, здесь останется жить.

Жена Марья стала роднее родных,
Дети появились – как любил он их!
Да только приказ есть приказ –
Обнял Зиновий жену в последний раз.

Дети жить в деревне остались –
По чужим углам не разбежались.
От матери многое про отца слыхали,
В нынешнее время
сами корни свои искали.

А в семье от деда внуку
Передают интересную шутку –
Католический крестовый крест.
Чтоб помнили, кто они есть.

Церковь

– Вот, посмотри. Это старое фото.
Таким мы запомнили раненый храм.
Строили церковь на деньги народа.
Все, кто чем мог, приходил, помогал.

Каменный храм получился на диво:
За 25 верст было съяно окрест
Звон колокольный певучий, красавый.
И православный на куполе крест.

Думали, будет века красоваться
Церковь – красавица в нашем селе.
Стройка продлилась не год,
а двенадцать.

На освящение прибыли все.
Из Старой Кильмези,
что Троицким стала,
Штат перешел, да и утварь осталась.
Перевезли в новый Троицкий храм.

Место нашлось даже нежным цветам.
И говорят, что подземные тропы
Были прокопаны. Знает река,
Кого темной ночью в трудные годы
Скрывали крутие ее берега.

Не поиздяла история храм.
Сбросили колокол, крест разломали.
Что совершили, и сами не знали.
Потом дом культуры

прописан был там.

Как ляпки кошмар,
были годы забвенья.
Но вот наступило свободное время.
Престол освящен! И звенит благовест.
На куполе снова возвысился крест!

Туда в воскресенье с тобой мы пойдем,
Церковные свечи с молитвой зажжем.
За всех, кого любим, и всех, кого знаем,
Кому мы добра и здоровья желаем!

Продолжение следует.